

НАДЕЖДА

Только что приехав в санаторий, внезапно поссорились (жаркий номер, высокий этаж, нет телевизора), и, рассердившись, она лежала на бархатном диване, листала чешско-русский разговорник, а он в раздражении вышел на балкон, горячо нагретый солнцем, откуда виден был весь игрушечный курортный городок с очертаниями гор вдаль, а снизу шло сладкое тепло от земли, от подстриженной травы на английских газонах, от столетних платанов, достигавших вершинами шестого этажа. И тут он увидел внизу, на асфальте, меж этих аккуратных газонов коляску с большим. Ее выкатили из подъезда санатория девушка в белых брюках, в розовой блузке, юная, тоненькая, выкатила на теневую сторону парка — тень падала от платанов. Потом она повесила свою сумочку на спинку коляски и, поддерживая под руку, стала помогать больному приподняться. Он медленно зашевелился в коляске, делая усилия, и можно было разглядеть, что он не молод, лыс, в очках, остатки седых волос неопрятно торпачились на затылке.

С неимоверным напряжением, с остановками, опираясь дрожжащими руками на костыли, он все-таки приподнялся с коляски и, видимо, вконец обессилев, долго стоял, отдыхая, поддерживаемый девушкой, как бы весь обвиснув на костылях, углом оттопырив локти. Девушка наклонилась, сказала ему что-то, и он неуверенно сделал маленький шаг левой ногой, слегка подался вперед, подволок правую ногу и опять несколько минут отдыхал, наверное, справляясь с зашедшим сердцем, набираясь сил, затем снова переставил левую ногу, осторожно передвинул костыли, подволок правую.

Сверкая лакированными спинами на солнце, подъезжали машины к стоянке неподалеку от санатория, хорошо одетые люди шли к подъезду следом за портье, несущими чемоданы, косились в сторону человека на костылях, и девушку смущало это, она украдкой оглядывалась на приезжих, на балконы санатория, стесненно поправляла волосы, виновато улыбаясь. Кто она была? Медсестра? Жена его?

А он, дрожа спиной и локтями, как бы ничего не видел вокруг, углубленный в само себя. Он был весь в том невысказанном преодолении боли, безнадежности пространства, тех сантиметров земли, что казались бесконечными, миллионнокилометровыми пространствами Вселенной, на краю которой слабо брезжило обманчивое обещание...

МГНОВЕНИЯ

Так называет Юрий Бондарев свои миниатюры, которые пишет вот уже много лет. В литературе и раньше появлялись короткие заметки, мысли из записных книжек. Но все это было как бы «постфактум» — после завершения творческого пути писателя. А Юрий Бондарев в полном расцвете сил. Создает могучие по проблематике и философской весомости романы. И в промежутке между этими романами или параллельно с работой над ними появляются и появляются эти «мгновения». Что это? Новый жанр! Во всяком случае, на записные книжки непохоже, хотя бы чистой, четкой отработанностью языка, глубиной мыслей и порой при отсутствии начала и конца все же определенной завершенностью. Вроде бы ни сюжета, ни сплошного действия, ни характеров в их традиционном понимании, и в то же время все это есть, но присутствует как-то по-своему, не впрямую, а в ассоциациях. В общем, что это за жанр, точно сказать не могу. Это еще предстоит взвесить, оценить, понять и объяснить критикам и литературоведам.

А пока читатели с радостью и любопытством встречаются с новыми и новыми «мгновениями».

Вот на днях я побывал у Юрия Бондарева и увез очередную подборку «мгновений» для нашего журнала. О многом мы говорили с Юрием Васильевичем в тот вечер, коснулись

— Что ты стоишь там? — сказала сердито жена, отбрасывая на тумбочку разговорник. — И что молчишь?

Не отвечая ей, он по-прежнему смотрел вниз на человека, волочащегося на костылях по асфальту, на красивую коляску с сумочкой, оставшуюся в метрах двух за его спиной, на тоненькую девушку в белых брюках, терпеливо продвигающуюся за большим, — смотрел на эту титаническую борьбу, на эти страдания, на эту молчаливую муку и мольбу к надежде и думал, как все по сравнению с этим ничтожно, вздорно, постыдно.

— Как страшно, — услышал он вздрогнувший голос жены, вышедшей на балкон, и поразилась ее взгляду, устремленному вниз, туда, где надежда шла рядом с безнадежностью. — Нет, нет, — сказала она поспешно и ткнулась лбом ему в плечо. — Нет, нет...

ПРОМЕЖУТКИ

Ехали на аэродром по шоссе мимо осенних полей, желтеющих стерней, и где-то на окраине каменного городка, старого, с потемневшей черепицей, мелькнул удаляющийся указатель «Карловы Вары» — и странно: все, что было недавно карловарским, весь оставшийся

и его работы, и уже своеобразной привязанности к этому новому жанру. Не буду вдаваться во все подробности нашей беседы, скажу только одну фразу, прозвучавшую в его устах как итог: «Для меня это очень важно».

Кроме важности для самого Бондарева, это еще и свидетельство писательского богатства, заключающегося в жизненном багаже, накопленных наблюдениях, пережитых им самим и вместе с другими людьми радостях и горестях. Ведь каждое «мгновение» можно развернуть в рассказ, а то и повесть. А Юрий Бондарев так щедро, хочется даже сказать, расточительно выдает свои запасы.

Видимо, надо иметь не только талант и жизненный багаж, но еще и уметь всем этим мастерски распорядиться. Мастерство, наверное, одно из немногих свойств человека, которое при его применении не истощается, а растет, и чем больше им пользуются, тем оно становится полнее и прочнее. Мне кажется, Юрий Бондарев хорошо это понимает и именно поэтому работу над «мгновениями» считает для себя очень важной.

Ниже предлагается вниманию читателей несколько «мгновений» из новой подборки, которая выйдет в нашем журнале.

Владимир КАРПОВ,
главный редактор журнала «Новый мир».

позади месяц, десятки прожитых дней, стало таким далеким, несуществующим, навсегда исчезающим, как будто позади ничего не было, а вот сейчас я временно, непрочно, даже ненастояще еду по этим полям на аэродром, чтобы лететь, наконец, в Москву, домой, где ждут меня, где я любим и нужен и где есть мое родное место в огромном мире.

И каждый раз, возвращаясь на родину из-за границы или уезжая, я испытываю в поезде, в машине, в самолете некое скользкое мимо, нереальное состояние, которое надо прожить бегло, перетерпеть его, чтобы вернуться, достигнуть, наконец, прочного места и осмысленную цель моего движения — родную землю... Я бесил себя перебороть это чувство, мой разум считает часы и дни поездок легкомысленными промежутками жизни, а эти промежутки — интермедией между серьезными актами жизненной пьесы.

ЗАНАВЕСКА

Был летний день, весь наполненный нежным запахом акаций, светом, радостью. Я вошел в номер гостиницы, еще необжитый, чужой, пахнувший прогретым с утра паркетом. Стеклопанная

дверь на балкон была открыта, и я увидел освещенную солнцем тюлеву занавеску, она тихо надувалась ветерком, шевелилась, напоминая о сквозняке, свежести воздуха, о том, что номер мой на восьмом этаже, высоко над черепичными крышами южного городка и не будет душно в жаркие дни на этой горной высоте.

Я подумал об этом, а занавеска продолжала едва заметно шевелиться, волноваться, и было что-то женственное, молодое в том, как плавали над балконом нежные прозрачные складки, вызывая в моей памяти нечто очень далекое, что было или могло быть только в наивном, еще неспортивном времени 20-х годов, когда еще чистой и застенчивой была природа, когда вкус воды, цвет полей, деревьев, краски заката и облаков были иными, когда в Москве иначе звенели трамваи на Зацепе и иначе горели огни на Тверской, когда были еще молоды отец, мать, мои братья, мои красавицы тетки. И я помню, как летним днем, перед обедом, они шли по деревянным мосткам к Яузе в тени огромных разросшихся вязы, под нависшими ветвями которых мы с братом ловили вешером в водорослях пескарей; потом они, красавицы тетки, раздевались в кустах, стыдливо

выходили на безлюдный берег, белея гибкими нагими телами, и с озорным смехом, визгом, аханьем бросали животами в воду, плыли к тому берегу.

Что это такое? Занавеска, река Яуза в Москве, мои тетки, которых уже нет на свете, нагие их тела со всеми признаками здоровья, молодости, любви, красоты?

Еще лет пятнадцать назад эта мимолетная игра воображения и памяти показалась бы мне милой бессмыслицей. Теперь же я никак не мог забыть легкое колышание прозрачной занавески в тот солнечный день на юге.

БЕРЕЗА

— Давай спилим вот эту березу. Она сухая и мешает другим, — сказала жена.

Я увидел в синей высоте зеленые макушки берез, мнилось, счастливые, ласково лепечущие в теплой легкости предзакатного воздуха, а по середине их голые растопыренные сучья той березы, которую указывала жена. Ее сучья вообразились мне выходящей старческой рукой, застывшей меж молодых веселых головок, радующихся лету, синеве, солнцу, своей гибкой стройности.

И я начал пилить эту отжившую березу, не испытывая никакой жалости, какая бывает всегда, когда прикасаешься к живому стволу, начал пилить с мыслью, что очищаю, освобождаю в саду пространство для расцветающей красоты. Однако пилу все время заедало, я дергал ее, отдыхал, начинал снова, измучился, был весь в поту и наконец с облегчением почувствовал, что разрез пилы стал расширяться, увеличиваться — и береза затрещала, накренилась.

Тогда я сделал последнее усилие острыми зубьями. И вдруг как тяжко закряхтела, как мучительно застонала она в предсмертной боли, уже валяясь, падая, судорожно цепляясь за вершины, за листву своих молодых сестер, а они словно отталкивали ее, и с пронзительным вскриком о помощи она упала на траву, ломая сучья, прощально качая ветвями.

Мы с женой в молчании переглянулись.

— Ты слышал? — сказала шепотом жена и зажмурилась, будто от боли. — Как она не хотела умирать! Я никогда не знала, что деревья, погибая, стонут, как люди!

Я бросил пилу и пошел прочь, стиснув зубы, не оглядываясь на то место, где теперь беззвучно лежала убтая мною береза и весело лепетала листвой в летнем небе ее молодые беспечные сестры.